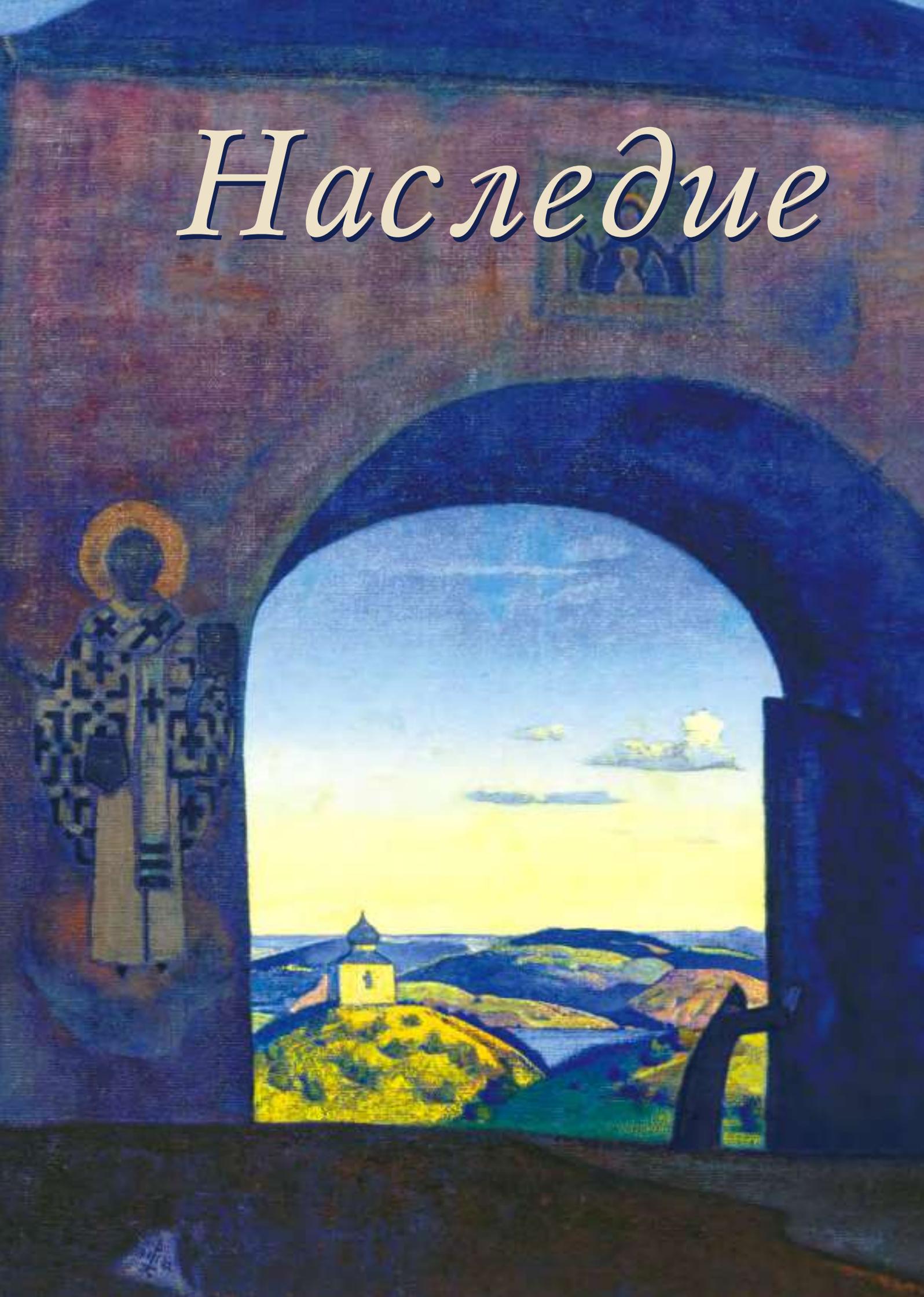

Наследие

Рерихи и Православие: история одной переписки

Православные святые глубоко и трепетно чтились Рерихами, были живоносным источником творческого вдохновения, драгоценным зерном многих великолепных полотен Николая Константиновича.

Н.К. Рерих был одним из первых, кто утверждал в светской культуре высокую духовно-художественную ценность древнерусской иконописи и возрождал ее каноны в руководимой им иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения художеств. Об этой мастерской Николай Константинович вспоминал в одном из своих очерков: «А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимися школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются ныне в монастырях»¹.

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1995. С. 45.

В 1903-1904 гг. Николай Константинович и Елена Ивановна совершили «большое паломничество» по древним русским городам «для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью»². Результатом этого путешествия стали более ста картин и этюдов, запечатлевших молитвенное предстояние Земли Небу в лучших памятниках храмовой архитектуры. Многие из этих храмов были разрушены после революции, но их образ остался навсегда на полотнах великого художника.

По эскизам Н.К. Рериха были созданы росписи и мозаики в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пархомовка, Троицком соборе Почаевской лавры в Тернопольской области, храма Святого Духа в Талашкине Смоленской области. Кисти великого русского художника принадлежит и иконостас Пермского монастыря, и многие эскизы храмовых росписей, которым уже не суждено было украсить своды храмов, так как наступало смутное революционное время. Но Образ Храма и Святые земли Русской присутствовали в художественном и литературном творчестве Николая Константиновича до самых последних дней его жизни.

Церковная роспись кисти Н.К. Рериха была неканонической, но проникающей в глубь веков, во времена Сергия Радонежского, собирателя Земли Русской, в те духовные основы, на которых зиждилось Православие в самых лучших его традициях. Строитель и созидатель, Преподобный Сергий Радонежский был одним из самых почитаемых святых в семье Рерихов. «Он творил характер народа» – так писала о нем Е.И. Рерих. В творчестве Николая Константиновича и облик, и дух Преподобного занимали особое место. «Временами казалось, что Рерих как бы продолжает идеи Сергия, развивает их, вскрывает их жизненность. Его, как и Сергия Радонежского, отличала широта исторического мышления. Оба они, инок и художник, считали, что культурное, нравственное строительство является главным в любом строительстве, что оно основа всему. Тот настрой, который был присущ Сергию, нередко одухотворял рериховские полотна»³.

Находясь в далеких странствиях, Н.К. Рерих мысленно возвращался к самым прекрасным Обликам, сотворенным древними мастерами. Богородица Нерушимая Стена, один из изначальных образов Православия на Руси, и многие богородичные храмы с глубоким сердечным чувством вспоминаются русским художником и мыслителем в пустынях Азии.

В России в те времена творилось беззаконие по отношению к православным святыням. Силами международного правового документа — «Пакта Рериха», принятого американскими странами в защиту культурных ценностей, — Николай Константинович пытался остановить беспрецедентный вандализм советских властей по отношению к православным храмам. Неоднократно на конференциях и в печати он возвышал свой голос в защиту православных святынь, привлекая к творимому беззаконию внимание мировой общественности. Но и в те времена проблемы культурных и духовных ценностей не волновали политиков...

В жизни Рерихов было много светлых встреч с просвещенными православными иерархами того времени, было и духовное водительство со стороны «славных служителей Христовых». Среди них — замечательный подвижник и прозорливец конца XIX века святой отец Иоанн Кронштадтский, который был духовником семьи Н.К. Рериха и матери Е.И. Шапошниковой (Рерих), и митрополит киевский Флавиан, и митрополит Антоний, совместно с которым велась «работа по украшению Почаевской лавры»⁴, и митрополит Платон, иерарх Американской православной церкви, и отец Георгий Спасский, бывший духовником Н.К. Рериха в Париже.

Но были на жизненном пути Рерихов и ожесточенные нападки со стороны служителей Церкви, которые, как и в нынешнее время, руководствовались либо собственным невежеством, либо идеологическим заказом.

Очень характерна в этом отношении история клеветы, обрушившейся на Н.К. Рериха в Харбине во время Маньчжурской экспедиции 1934—1935 гг. Эта клеветническая кампания была инспирирована японскими оккупационными властями и с одинаковым рвением поддержана некоторыми нашими соотечественниками, и теми, кто принадлежал к фашистским кругам, и теми, кто носил духовный сан. (Из газет того времени и по сей день черпают идеи современные «писатели на заказ» вроде дьякона Кураева.)

Перед некоторыми из таких священников, не гнушающихся собирать и распространять клевету, Рериху приходилось отстаивать право на свое понимание духовности, отличное от позднейших, иногда совершенно бессмысленных канонов. Особенно показательна и интересна история переписки Н.К. Рериха с отцом Иоанном Шаховским, священником Братства Преподобного Сергия Радонежского в Париже. В ответ на

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца, М., 1990, С. 57.

² Шапошникова Л.В. Град Светлый, М., 1998, С. 19.

³ Рерих Н.К. Листы дневника, В 3 т. Т. 1. М., 1995, С. 45.

Н.К. Рерих. Сергиева пустынь. 1933

Н.К. Рерих. Голубиная книга. 1911

доброжелательное приветствие отец Иоанн резко осудил деятельность и философские воззрения Николая Константиновича. Завязалась переписка, из которой современный читатель может извлечь много поучительного.

История переписки такова. Из Парижа Рерихам была прислана книга отца Иоанна «Слава Воскресения», «описывающая последние дни жизни Христа и дни, следовавшие за распятием, освещающая их в очень сердечных тонах»⁵. Елена Ивановна попросила Николая Константиновича написать отцу Иоанну «сердечное приветственное письмо по поводу этой его книжечки» и попросить прислать что-нибудь еще из его трудов. В письме к отцу Иоанну Н.К. Рерих трепетно поминает Преподобного Сергия и его мудрое водительство, говорит о строительном вмещении и просвещенной терпимости, которыми наполнена книга отца Иоанна. К письму Рерих приложил свою книгу «Держава Света» и несколько репродукций своих картин...

Как впоследствии напишет Е.И. Рерих своим корреспондентам, ответ был получен «ошеломляющий, подавляющий. Это была настоящая отповедь, в которой пастырь выказал такой узко-сектантский взгляд, такое невежество, такую духовную скудость и жестокость, дальше которой некуда идти. Не зная лично Н.К., не зная его самоотверженной деятельности во имя блага, во имя поддержания духовности, как бы она ни выражалась, во имя всего Прекрасного, он бросил ему в конце письма следующий упрек: «Ваш путь, Н.К., не евангельский. Люди из Вас делают кумира и божка (а в Америке это легко обращается и в средства, конечно), а Вы не останавливаете таких людей». Последние слова подчеркнуты в оригинале. «...Ваша книга не выводит человека из этого мира относительности духовных понятий и ценностей, а культ Вашего имени, допускаемый Вами (эти слова подчеркнуты) *более, чем тревожен, для нас...*» Кто это «для нас»? Для невежественных служителей Христа? Для фарисеев, торгующих именем Христа? Черноризец-пастырь, упустив из виду, что Н.К. по природе своей строитель жизни, Вождь, приложил к вождю мерки чернеца»⁶.

На письмо Николая Константиновича, где была изложена его разносторонняя культурная деятельность и описаны Проявления Руки Преподобного,

даваемые на жизненном пути Рерихов, пришел ответ, вобравший в себя всю клевету о Н.К. Рерихе, на которую не скупилась осевшая в Европе соотечественники. Более того, отец Иоанн, как писала Е.И. Рерих, «не постеснялся кощунствовать и унижить все те великие видения Преп[одобного] Сергия и Проявления Его Благой Руки, которые живут сокровенно в самых недрах сердца нашего, приписав их проявлениям дьявольским и шуткам антихриста. Это уже мрак Инквизиции! Ничего не зная, он отнес нас к разряду спиритов!!! Видя уважение и почитание Н.К. буддизма и восточных учений, он в доказательство ереси этих учений не поленился привести выдержки из трудов не только устаревших, но совершенно отставленных современными востоковедами и учеными-санскритологами за их невежественность...»⁷

Н.К. Рерих справедливо указал на эту некорректность цитируемых отцом Иоанном источников и дал некоторые пояснения основных понятий буддизма. «На это послание отец Иоанн ответил уже кратким письмом (очевидно, увидев, что оппонент не по плечу), явив пожелание встречи с Н.К., выразился: «Верьте, хотел бы чувствовать Вас *и выше и лучше себя...*»⁸ Николай Константинович поблагодарил священника за присланные книги, высоко оценив их содержание, и выразил надежду, что личная встреча, если она состоится, позволит «побеседовать от сердца к сердцу, по добру и во добро». На этом переписка закончилась. Встреча не состоялась.

«Бояться обвинения в ереси нам не приходится, ибо Облик Истинного Христа живет в душе нашей <...>. Но мы видим Христа, истинно, Богочеловеком, но не узким сектантом, клеймящим прозвищем Антихриста всех, кто не может признать церковных ограничений и золотолоканий Его Христова Учения»⁹ — так прокомментирует Елена Ивановна Рерих эту переписку и последующие очернительские высказывания отца Иоанна в адрес Николая Константиновича.

Письма Н.К. Рериха к отцу Иоанну, хранящиеся в Отделе рукописей МЦР, и по сей день являются собой высокий пример корректности, терпимости и убедительности в отстаивании права на духовность вне конфессиональных рамок.

О.А. Лавренова

⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. 2. М., 2000. С. 139.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Там же. С. 142.

*Его Высокопреподобию Отцу Иоанну
Св. Сергиево Подворье, Париж
10 февраля 1932 г.
«Урусвати»*

Глубокоуважаемый Отец Иоанн,

Только что нами получена Ваша прекрасная книга «Слава Воскресения», По истине радовались мы все, наперерыв читая Ваши задуманные и повелительно зовущие слова о Великой Реальности, Вы подошли к этой Реальности так близко и так просто, что и отвечает великому значению единого пути человечества, Прекрасно, что без осуждений Вы поминаете все те странные для человечества понятия, от которых необходимо отрешиться всем, кто хочет отойти от разрушения и разложения светлого будущего, Сами заглавия отделов книги Вашей горят как вехи, твердо запечатленные. Да, об этих понятиях нужно не только мыслить когда-то во ноши Никодимам подобно, но действительно пришло время свидетельствовать о них в широком вмещении и просвещенной терпимости и распознавании всех сияний Блага. От одного Света все огни и каждое сердце, в котором не угас огонь творящий и благой, все эти сердца сейчас должны быть вместе.

Когда Армагеддон, в откровении указанный, уже гремит по мирам зримым и незримым, когда сияющее Воинство Св. Михаила Архистратига в сборе для отражения полчищ сатанинских, когда Преподобный Сергей, Заступник и Просветитель, уже поднял Руку Водящую, хотя бы к этому великому и грозному времени все сознающие Благо и созидание должны проявить себя свидетельствованиями и собраться к единому Воинству Света. Невозможно молчать, когда с одной стороны гремят разрушения всех духовных ценностей, но с другой стороны облетают мир светлые знамения, многообразные чудеса обновлений, видений, светлых пророчеств и всех тех знаменательных знаков, которыми, по счастью, не оставлено человечество. Мы только что читали книгу о светлых знамениях, явленных на Украине. Составительница книги, как жительница Украины, не могла знать о чудесах, проявляемых нашим преподобным Сергием. Хорошо бы собрать в единые записи и эти замечательные знаки, как путеводные камни сужденного пути человечества.

Вы посылаете нам «Славу Воскресения» в широком и многовещающем понимании Вашем. Об этом великом Воскресении искупителя и всего Мира мне и хочется письменно засвидетельствовать Вам, ибо, как чувствую, Мир именно нуждается в свидетельствованиях, которые рождают и мужество, и сознательность, и подвиг.

Когда-то у меня была поэма «О Подвиге», где просил я мальчика в его светлой Вести заменить понятие сдвига подвигом. В русском языке нам дано это понятие подвига, которое почему-то не имеет в других языках равнозначущего по существу. Если такое понятие присутствует в нашем языке, значит, оно и должно быть в душе народной.

Еще раз сердечное спасибо за вашу прекрасную книгу. Каждая весточка от вас будет нам сугубо радостна.

Поручаю себя молитвам Вашим душевно Вам преданный

[Николай Перих]

*24 февраля 1932 г.
Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
«Урусвати»*

Христе Спасителе, Глубокоуважаемый Отец Иоанн,

Ваше письмо от 29-го января мною получено. Искренно рад, что Вы говорите искренно, это и есть единственное условие сношений человеческих, Разрешите и мне тоже сказать совершенно искренно, ибо если мы упоминаем в писаниях Имена Величайшие, то это самое обязывает и нас к той искренности и сердечности, которая позволяла бы нам помышлять и высокие понятия. Вы уже получили письмо мое о Вашей книге «Слава Воскресения», и Вы знаете то сердечное восхищение, которое вызвала эта прекрасная книга Ваша, так зовущее возвышающая и радующая сердце. Книга Ваша зовущая, но письмо Ваше отталкивающее. Но Вы служите Преподобному Сергию, Славному Воину Христову, и никто и ничто на Свете не может меня заставить отклониться от посильного служения Тому же Великому Воину Христову, Заступнику и Предстателю о Земле Русской. Что бы Вы ни стали говорить обо мне,

Н.К. Рерих. И Мы трудимся. 1922

Н.К. Рерих. Часовня Святого Сергия на перепутье. 1931

по недоразумению ли, по наговорам ли, но ничто не может нанести с моей стороны трещины между служащими имени Св. Сергия. Сейчас так необходимо Единение. Вот вы пишете, почему я позволяю называть себя божком. А ведь это неверно. И вообще никаких подобных эквивалентов в Культурных Учреждениях и быть не может. Вы как бы укоряете меня за ту долю терпимости, о которой Вы или прочли, или услышали. Вероятно, Г.Г. Шклявер¹⁰ дал Вам прочесть мою статью «Легенда Азии», которая, как Вы знаете, вызвана клеветническими нападками в том, что якобы найден документ из времен Христа Спасителя. Так много темной лжи кругом. Но и в этой статье, как Вы видели, я не скрываю моей радости в том, когда вижу где бы то ни было прославление Славного Имени Христова. Если, по неразумию, мусульмане ли, буддисты ли, индусы ли не знают, как славословнее подойти ко Господу, тем не менее радостно слышать, что в пределах своего разумения они относятся с величайшим почитанием. Разве не трогательно слышать каждому сердцу православному, что буддисты полагают в храмах и памятниках своих Св. Евангелие? Разве буддисты, радующиеся об иконе Св. Иосафа¹¹, не делают ли уже мысленную тропу к Свету Единому? Если суждением живы будем. Во время прохождения по 25-ти странам, сознаюсь, мы собирали лишь вести благие, ведущие к строительству и к тому же Единому Свету. Если на разных материках можно было находить пламенные вехи непринужденного чистосердечия, то ведь одно это уже хорошо. Правда, существуют книги, собирающие лишь отрицательные факты, как Вы и упоминаете, но они являются теми темными разрушительными вехами, которые из-за рогатых репейников не видят того, что может вести к пути Благому. Сейчас весь мир разделен по духовности и материализму. Там, где уже есть искренняя религиозность, там, где хотя бы по-своему славословят Господа Христа, там найдутся и прочие сердечные нити серебряные. Гораздо опаснее холодный атеизм, не воинствующий, но тепловато погрязший в материалистическом пребывании. Уже писал я Вам в прошлом письме о необходимости свидетельствования в наши дни. Если письмом Вашим Вы хотите дать мне возможность в письме свиде-

тельствовать о преданном служении нашем Св. Преподобному Сергию, Заступнику и Предстателю перед Господом Христом, то я очень рад, что могу это сделать совершенно искренно, ибо мне скрывать нечего. Когда мы говорим на Востоке о великом мировом значении Преподобного Сергия, то иногда говорят нам, что он есть Майтрейя, но и на это мы не можем сетовать, ибо люди при этом произносят высшее для них понятие, в переводе значащее Владыка Любви и Сострадания. Этим признанием разве не открываются врата к дальнейшему сердечному общению?

В Образовательных Учреждениях наших существует только та иерархическая ступень, которая должна, кажется, быть во всех образовательных учреждениях и во всех проявлениях просвещения и Государственности. Никогда я не слышал, чтобы руководитель Учреждений должен быть ненавидим или умаляем. Помню, как первые руководители мои на общественном поприще, Отец Иоанн Кронштадтский¹², Д.В. Григорович¹³, и Ея Императорское Высочество Евгения Максимилиановна Принцесса Ольденбургская¹⁴, и А.И. Куинджи¹⁵ прежде всего говорили мне, что руководитель, устанавливающий духовную дисциплину, должен сделать себя уважаемым, и качество преданности и уважения этим порядком будет расти и по всем отраслям Учреждения. Лишь на пределах некоего уважения и преданной любви и я почитаю возможным охранять строительную дисциплину вверенных мне Учреждений. Не может же кто-нибудь заподозреть непременно нечто от антихриста там, где, ознакомившись внимательно, он не найдет ничего вредного для формирования будущих кадров деятелей. Что же от антихриста в том, что Общество Имени Спинозы¹⁶, присоединившись к Учреждениям нашим, очень трогательно праздновало Святое Рождество Христово? Что же дурного в том, что Общество Сибирское наше строит часовню¹⁷ Св. Сергию? Господи, неужели это от антихриста, что перед освящением этой часовни масло в лампадах, могущее гореть не более трех часов как всегда, — горело и теплило лампаду всю ночь, и она была найдена горевшей при открытии часовни утром пришедшими приготовить часовню к Служению? Неужели Владыка

¹⁰ Георгий Гаврилович Шклявер (ум. 1970), юрист, профессор Парижского университета, с 1929 г. — генеральный секретарь Европейского Центра при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

¹¹ В основе жизнеописания Св. Иосафа, Иосафа-Царевича, песнопения о котором Н.К. Рерих записывал на Алтае во время Центрально-Азиатской экспедиции, лежит жизнеописание царевича Сиддхартхи, достигшего просветления и ставшего Буддой.

¹² Иоанн Кронштадтский (1829—1908), протоиерей Андреевского собора г. Кронштадта.

¹³ Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899), русский писатель и публицист.

¹⁴ Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845—1928), принцесса, попечительница Общины святой Евгении.

¹⁵ Архип Иванович Куинджи (1842—1910), русский художник.

¹⁶ Ассоциация при Нью-Йоркском рериховском обществе.

¹⁷ Часовня Св. Преподобного Сергия, сооруженная Сибирским отделом Общества друзей Музея Рериха в Радонеге (Чураевка, штат Коннектикут), была открыта и освящена 14 сентября 1930 г.

Платон¹⁸, действительно ознакомившись с Учреждениями нашими, стал бы искренно посылать Благословение и говорить то, что он сказал при этом и о чем писал мне? В течение сорока лет на многих моих картинах, в стенописях и мозаиках имел я великую честь изображать и Господа Иисуса Христа, и Пресвятую Богоматерь, и всех тех Святых, которые пусть свидетельствуют, искренно или неискренно я изображал их, Разве неискренно руководил я Иконописною Мастерскою? Выставка Христианской религиозной живописи, устроенная нашими учреждениями в Нью-Йорке во время минувшего Рождества Христова, поверьте, вреда не принесла, но, наоборот, вызвала множество прекрасных выявлений, заставив печать говорить о значении вдохновляющих изображений. Но все это незачем утверждать словами, когда сердце и сознание наше ясно и без слов для Тех, Кто превыше нас. Относительно же духовности Востока, конечно, очень часто трудно судить, ибо незнание языков со всеми их оттенками и наречиями очень часто даже в трудах известных ученых вносило неправильные толкования. Именно на Востоке можно слышать, что ни один человек не может достичь личными силами, без помощи Высшего начала, только когда возгорается серебряная нить сердца между стремящимися и Высшим, только тогда достигается Высшая Благодать. Разве это уже не есть начало пути, по которому так легко говорить и о Свете Едином? Я, конечно, понимаю, что не в осуждение писали Вы письмо Ваше, ибо осуждающий и не был бы тем искренним служителем Христовым Именем Святого Сергия, каким являетесь Вы.

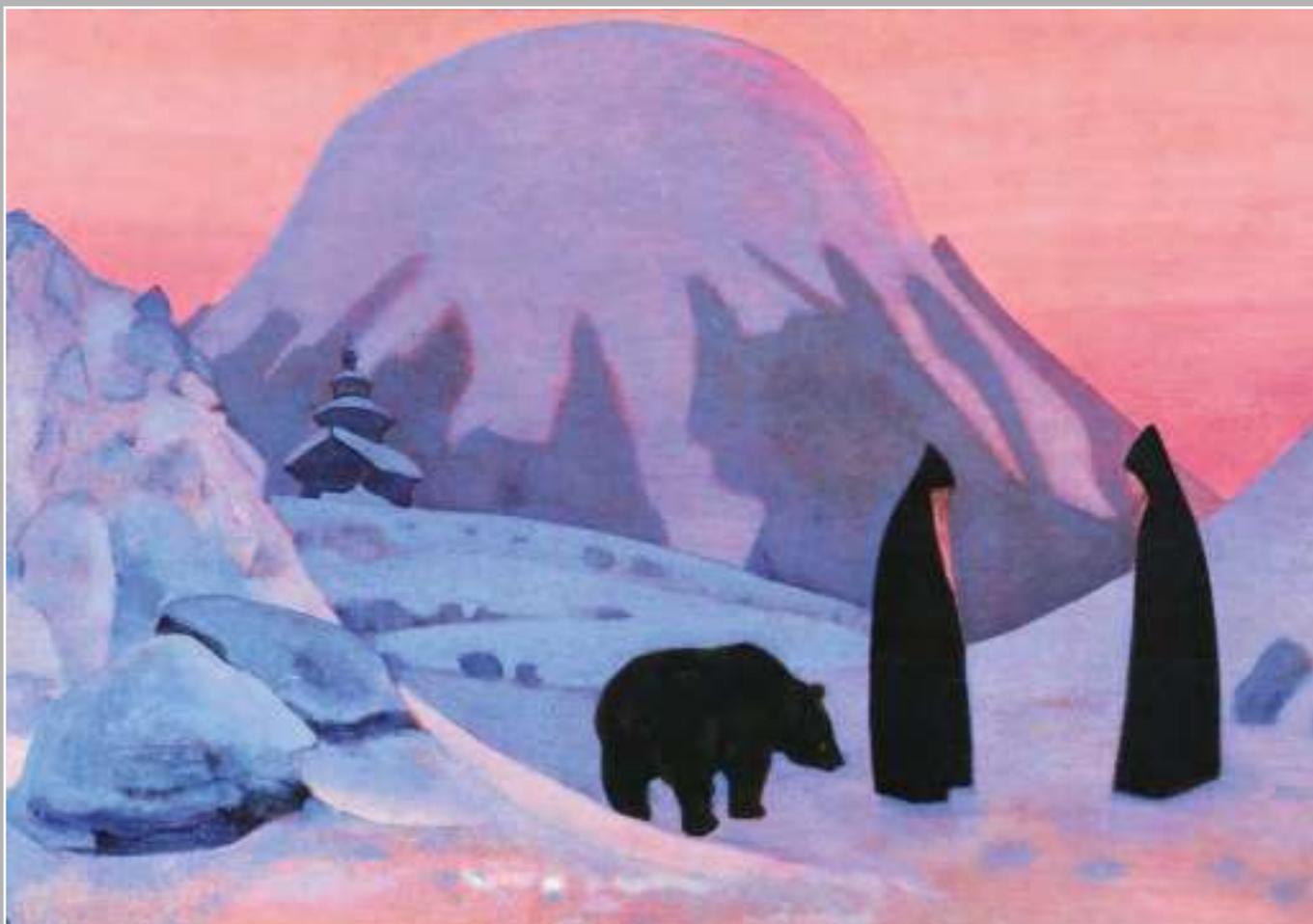
Вы кончаете письмо, повторяя фразу мою, что встреча наша не случайна, и в этом вижу я дверь в будущее. Ведь не случайно было и то, что соименник Ваш Отец Иоанн Кронштадтский пред- указывал мне трудиться на пользу Родине. Отец Иоанн неоднократно пред- указывал мне многое, как о приближающихся болезнях моих или о трудах будущих. Помню, как, часто посещая семью нашу, Отец Иоанн однажды подозвал меня, тогда еще ребенка, и дал мне испить в чашке вина; но когда моя мать заметила: «Батюшка, он у нас вина не пьет», он сказал: «Не мешай, скоро придется испить ему». Действительно, через две недели после этого я заболел сильнейшим тифом, причем доктор прописал мне то вино, которое дал мне Отец Иоанн. Затем в течение гимназических лет Отец Иоанн приезжал к нам, часто наставлял меня, а последнее его напутствие всегда остается вырезанным в памяти моей. Во время окончания Академического курса Отец Иоанн служил в Церкви

Академии Художеств, и я, желая быть ближе, стоял в проходном коридоре, близком от Алтаря, среди густой толпы, присутствовавшей на литургии. По окончании Служения Отец Иоанн, тесным толпою, проходил этим коридором, и, несмотря на то, что я был в студенческом мундире, менявшем наружность, он вдруг задержался, благословил меня и воскликнул: «Смотри не более больше, придется сильно для Родины потрудиться». И действительно все болезни детства моего постепенно оставили меня. И теперь, избрав в силу неоднократных явлений Преподобного Сергия Водителем и Предстателем своим, я стараюсь по разумению своему и силам трудиться и идти той начертанной мне тропею терпимости и любви, почерпая из Св. Евангелия все Указы Христа о любви и терпимости. Еще на днях я кончил одно письмо «О терпимости» притчею о Милосердном Самари- тянине. Если все, что я делаю, дурно, то и скажите мне это, прежде изучив все факты моей деятельности и духовно проникнув в глубину побуждений.

Коли какие-то злонамеренники или одержимые шепчут о чем-то, то проверим все факты. Проверим, почему я отказываюсь от многих отличий, предлагаемых мне за деньги и даже за очень маленькие суммы. Часто такие предложения сопровождаются даже угрозами в случае неприятия их. Еще недавно в Америке мы открыли существование какого-то лица, рассылающего подметные и клеветнические письма. Так как скрывать нечего, то мы сейчас же обратились к детективам, причем обнаружилось, что этот клеветник — известный вор, уволенный отовсюду за многие кражи и кем-то оплаченный, — вот с такою-то темнотою приходится сталкиваться. Если я Вам расскажу о самых уродливых выявлениях зависти, клеветы и лжи, Вы как человек искренний будете потрясены. Среди этих трудов и больших трудностей не скрою, что именно имя Святого Сергия является прибежищем нашим. Почитаем Его как можем. Верим Ему, как сердце вмещает. Свято принимаем все явления его. И не могу допустить, чтобы Великий Воин Христов не стал бы противодействовать тому, что якобы от лукавого. Мы видим во многом Благоую Руку Святого нашего Хранителя во всех опасностях.

Без всякой гордыни и без всякого преувеличения, если скажу Вам все те чудеса и споспешествования Преподобного, то Вы умилитесь сердцем, ибо нельзя без духовного трепета сознавать, как Высшие Благие Силы близки к жизни человеческой. Опять не заподозрите какую-то гордыню, не подумайте, что я предполагаю, что именно нам близка рука Преподобного; явления и чудеса Его

¹⁸ Платон (Рождественский) (1866-1934), митрополит Северо-Американский и Аляскинский (Алеутский), глава Американской православной церкви.

Н.К. Рерих. И Мы не боимся. 1922

Н.К. Рерих. Звенигород. 1933

ведь широко раскинуты и проявлены во спасение человечества. Сын мой Юрий носит на себе крест серебряный, покрытый эмалью старинной московской, а может быть, и самой Свято-Сергиевской работы, который упал при всех нас в освещенной комнате, когда мы говорили о великом значении Креста. Жена моя Елена Ивановна неоднократно сподобилась видений Преподобного Сергия. Неужели же демоны бросаются крестами и зовут к служению во имя Христа и Его Святых воинов? Неужели же демоны шепчут о любви, о терпимости, о сострадании и великом сотрудничестве и служении, как о ведущих началах жизни? Неужели же демоны строят храмы Христовы и побуждают к свидетельствованию и посильному очищению жизни? Если так, Отец Иоанн, то и идти дальше некуда. Ведь, по словам Св. Евангелия, фарисеи спрашивали — не силою ли бесовскою изгоняются бесы?

Затем не покажется ли странным, что почему, когда мы читаем Вашу книгу, мы совершенно согласны со всем в ней сказанным. И спрошу Вас сердечно, нет ли какого-то шептателя, который старается вложить мне в уста то, чего сердце мое и не имело в виду. Во всяком случае, как Вы истинно повторили, что встреча наша не случайна, письмом Вашим Вы даете мне еще одну возможность свидетельствовать Вам написанное. Отвечая на искренность искренностью, мне кажется, что другого способа обмена в делах духовных быть не может. А если бы я в чем-то ошибался, то простите и скажите мне это явно, на фактах и со всем тем великим Благом, которое ведет жизнь человеческую к совершенствованию, к великому сердечному пониманию во Имя Господа.

Поручаю себя молитвам Вашим.

[Николай Рерих]

24 апреля 1932 г.
Naggar, Kulu, Punjab, Br. India

О Христе Спасителе, Глубокоуважаемый Отец Иоанн,

Отвечаю вам на вопросы Ваши.

1. Ни о каких камнях, заложенных мною под Часовню Преподобного Сергия Радонежского в Америке, я не знаю. Если Вы видели какое-то письмо об этом обстоятельстве, то благоволите сообщить мне, кем оно было написано, чтобы я мог запросить автора письма, откуда сия легенда о каких-то камнях, как Вы говорите, кажется, двенадцати. Столько легенд бродит по миру, столько выдумок и клеветы, что во всяком случае нужно доходить до открытости и ясности до

конца. В газетах читали мы подробно о смерти моей в Сибири, но ведь и это не отвечает истине.

2. Кольцо, которое Вы видели, имеет на себе надпись: «Единение Любви, Сострадания». Думаю, что об этих началах не единомышленникам, но всему человечеству нужно помнить всемерно. Пусть эти начала будут написаны на всех языках и вхожи во все дома. Надеюсь, Вы согласитесь, что в настоящее время, как Вы и ссылаетесь на мои слова — «Во время смятения и лжи, разрушения и разложения», нужно каждому голос имеющему твердить об этих началах, не опасаясь быть осмеянным, заподозренным и преследуемым. Еще, пожалуй, кто-нибудь скажет — какая же это любовь и какое это сострадание, и дозволено ли оно моим законом. Но, по счастью, сердце человечества, если и не всегда, то хотя бы иногда чувствует, что есть благо сострадания и любовь, движущая к единому Свету. Ведь не настолько же мы вообще огрубели, что даже пожелание Любви и Сострадания вменялось бы уже в преступление.

3. Ваш вопрос о спиритизме и о явлении Св. Сергия на спиритических сеансах, если бы этот вопрос не исходил от Вас, отца духовного, то я назвал бы этот вопрос кощунственным. Можно ли [дойти] до такого мышления, чтобы хотя бы оставить в пространстве предположение о том, что Преподобный Сергей может появляться на спиритических сеансах... Это было бы такое кощунственное оскорбление Великого Подвижника. Вообще, если бы Вы знали больше моих писаний, моих лекций, моих картин и моих суждений, то Вы бы знали также и мое отношение к спиритизму, ко вредности спиритических сеансов, которые могут вести к несчастьям и даже к одержаниям. Эта область опаснее, нежели ходить с зажженной свечой в пороховом погребе. Человечество должно думать об очищенном сознании, но не о смятении его.

Первое явление Преподобного Сергия жене моей Елене Ивановне было в Пасхальную Ночь в 1913 г. Полное бодрствование, светлое устремление, необычайная гармония и мир всего существа, которому она удивлялась, поразительная светоносность и ощутительность явления, продолжительность его, которое наполнило все существо необъятной любовью ко всему существу, и несказуемый трепет сердечный, и взгляд глубоких глаз, и четкость каждого волоса остаются запечатленными навсегда. При высших духовных построениях могут быть такие явления. Отец Иоанн, чувствую, что с каким-то небрежением говорите Вы о Кресте данном. Какое же имеете Вы основание так касаться обстоятельства, священного семье нашей. Не скрою, что для нас всех и для сына нашего Юрия, носящего крест этот вместе с крестом крестительным, было большим ударом

почувствовать в словах служителя Церкви небрежное отношение к высоким событиям нашего существования, Вы говорите о необходимости ясности и правды, а в то же время в каждой строке пытаетесь внести и намек и нарушение. Если мы начнем лишь отрицать, отталкивать, низвергать, то прежде всего мы нарушим и тот энтузиазм, который находим для просветления сердца. Я уже писал Вам — меньше верьте клевете. Из этого письма Вашего вижу, что наветы шли от бедной одержимой¹⁹, которую мы сожалеем, но одержание настолько сильно, что сердце ее наполнено злобою, не отступающей ни перед клеветою, ни перед предательством. Знал-то я ее несколько месяцев по рекомендации одной доброй особы. Пока я имел возможность помогать ей денежно, она писала мне восторженные письма с великолепными эпитетами. Но как только кошелек мой истощился и, несмотря на все мое желание и на все поиски, мы не могли найти в настоящие труднейшие времена финансовых пособников им, то все переменилось, и я сделался исчадием ада. Особа, познакомившая нас, писала мне: «если бы нашлась тысяча долларов, то все стало бы на место». Может быть, Вы слышали и о прискорбном случае с ее мужем²⁰; так много сейчас одержания на свете и извращенного мышления. Посылаю Вам мою последнюю статью «Остров слез». Из нее Вы увидите, если захотите увидеть, мою сердечную боль.

Вашу фразу «свою искренность простру до конца, беседовать с высшими Духами и прибегать к человеческим гермам — это несовместимо». Простите меня, эту фразу я понять не могу и [готов]²¹ ответить, ибо люблю ясность. Прошу Вас, поясните мысль Вашу фактически. От веры и от отцов моих не отрекусь. Если Вы предполагаете об исторических знаках, то я всегда изучал их, от десятилетнего возраста: изображения на скалах, которые рисуют нам путь движения народов и все прочие археологические изыскания, мне очень близки. Отец Иоанн Кронштадтский знал об этой моей склонности к истории и очень одобрял ее. Вообще, полагаю, что, узнавая постепенно истинные факты моей жизни и не слушая более наветов и измышлений, Вы ближе по-

дойдете к истине, А истина есть Свет лучший, Не столько рассудок, сколько сердце было водителем моим в жизни, Сердце привлекало меня к пониманию Христа, сердце привлекало меня к Сподвижникам Божиим и сердце помогало изображать их, оберегая от сект, от инквизиторского духа, ибо правильно Вы сказали — Свет Христа Един. Вы правильно говорите о том, что легче говорить сразу и прямо. Если в нынешнее трудное время мы соберем доброжелательство и добросердечность и стремление к истинному знанию, то до конца, во всех смыслах мы можем понять друг друга и вместе идти к Свету.

В построении храмов нет ничего дурного, и отец мой, и отец жены моей их строили, и предок мой во время Петра Великого пострадал за нежелание разрушить церковь для удобства военных действий. Вспоминаю и другой случай, когда католический миссионер пришел ко мне, заботясь об Имени Христа, и я ему чистосердечно ответил — «В нашем доме Христос не умален». И не будет это гордостью, но лишь сердечным приношением, оглянувшись назад, сказать по совести, что на нашем пути Имя Христа пребывало в сердце.

Желаю Вам истинного успеха в высоком служении Вашем и, поручая себя молитвам Вашим, остаюсь уважающий Вас

[Николай Рерих]

P.S.

Благодарю Вас за прекрасное употребление моего чека²².

По поводу приложений²³ Ваших скажу:

Автор одной из них, очевидно не зная языков и вероятно имея доступ лишь к очень малочисленным и искаженным переводам (вроде Кеппена), очевидно не знает общевосточного мирозерцания, которое в своем первом основном положении говорит: «Из ничего ничто и происходит», и во втором: «Нет пустоты». Разве эти оба основания не открывают пути к Богу? Ведь не забудем, что на Востоке самое высшее Понятие непроизносимо из-за чувства глубочайшего благоговения. Можно идти по горестным знакам иска-

¹⁹ Имеется в виду Мария Николаевна Германова (1884 -1940), русская актриса, президент Женского Союза и общества «Друзья Культуры» при Французском обществе Рериха. Разорвала отношения с Н.К. Рерихом после отказа Совета директоров Музея Николая Рериха в Нью-Йорке финансировать Семинарий Кондакова в Праге, которым руководил ее муж — проф. Александр Петрович Калитинский.

²⁰ В сентябре 1930 г. А.П. Калитинский был арестован и посажен в тюрьму по причине тяжелой формы психического расстройства, затем переведен в дом для умалишенных, где пробыл несколько недель. Утверждал, что «в него вселился сонм бесов и что он это видел» (Толль Н.П. Письмо Г.В. Вернадскому от 7.10.30. В кн.: Росов В.А. Семинариум Кондакованум. СПб., 1999. С. 81). До конца жизни А.П. Калитинский так и не смог полностью справиться с болезнью.

²¹ Слово неразборчиво.

²² Чек, присланный Н.К. Рерихом для подписки на газету, издаваемую Св. Сергиевым Подворьем, был передан о. Иоанном нуждающейся прихожанке, так как газета выпускалась нерегулярно.

²³ Имеется в виду приложение к письму о. Иоанна от 16 марта 1932 г. «Атеистическая сущность буддизма», в котором были собраны невежественные толкования трансцендентальных понятий буддизма.ства Рериха.

жения и несовершенства, но можно из множества материала найти прекрасные страницы Всепроникающего Духа Божьего, Всемилосердного ко всем своим созданиям.

Нирвана же, по подлинникам восточным, есть трансцендентальное, т. е. высочайшее бытие, не подлежащее определениям ограниченности человеческого ума, т. е. именно полная противоположность небытию. Таково незнание наших западных переводчиков, которыми приходится пользоваться.

Один из замечательнейших миссионеров, Архиепископ Нил Ярославский, очень знаменательно выражается в трудах своих.

Наверно, Вам было бы очень интересно встретиться с моим старшим сыном Юрием, который, будучи глубоко православным христианином, считается лучшим тибетологом, а также санскриптистом и монголистом.

*An den Pf. Iohann
Motzreasse № 27
Berlin W.30, Deutschland
24 июня 1932 г.*

О Господе, глубокоуважаемый Отец Иоанн, Благодарим Вас за книги Ваши «Белое иночество». Все, о чем Вы напоминаете христианам, и нужно и своевременно. «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Не умолкну ради Сиона. Трепетность перед Богом. Жизнь как служение Истине Откровения. Желание Сердца. О грехах мелких» — все это так жизненно и так неотложно нужно осознать в жизни. Трогает меня и то, что Вы так многократно и с таким почтением помните первого духовника моего, Отца Иоанна Кронштадтского. Не могу не вспомнить следующую трогательную и высокопочтительную подробность: во время одного из посещений им дома нашего бабушка Татьяна Ивановна сказала от-

цу Иоанну: «На днях, когда молилась я Спасу, улыбнулась мне Икона». Отец Иоанн на это ответил: «Сердце твое улыбнулось Спасу, вот и Спас улыбнулся тебе». Этим путем благоутверждения, доброты и привлечения шел Отец Иоанн. Другой раз два гвардейских офицера, под влиянием любопытства, поехали в Кронштадт к Отцу Иоанну и при этом говорили между собою: «Ну что же, поболтаем со стариком». Когда же они приехали в Кронштадт и пошли к Отцу Иоанну, то им навстречу вышла женщина с пустым стаканом и двумя ложками, сказав: «Батюшка просил вас поболтать». Вот таким прозорливством и широко и разнообразно, коемуждо по делам его, наставлял отец Иоанн, всегда делая это так, чтобы каждое его выражение оставалось на всю жизнь и могло бы вести дальше по пути исправления и восхождения. Много поучительных подробностей сопряжено в семье нашей с именем Отца Иоанна. А торжественное моление его Отче Наш навсегда звучит в сердце каждого, кто слышал его.

Может быть, нам придется встретиться с Вами и когда-либо побеседовать от сердца к сердцу, по добру и во добро. Еще раз могу подтвердить Вам, радуюсь, что нахожу к тому же и в Вашей книге «Белое иночество», что по мере сил пытаюсь идти к первоосновам Великих Заветов, чтобы избежать всевозможных позднейших нагромождений, граничащих подчас со святотатством и кощунством. «Во всех трудах своих смотри в основу и углубляй добро» — таков был один из заветов мне Отца Иоанна. Вы, конечно, знаете о всей той темной клевете, существовавшей около Отца Иоанна и повторявшейся легкомысленными и легковверными языками. Но клевета, разве она не является еще одним признаком истинного величия его духа? Итак, до нашего личного свидания шлем Вам лучшие пожелания Вашим добрым посевам и трепетному стоянию перед Господом.

[Николай Рерих]

